15.12.2021 20:38:00

Российские суды заразили ЕСПЧ формализмом

У заключенных отнимают право на безопасный труд и защиту здоровья

Екатерина Трифонова
Корреспондент отдела политики "Независимой газеты"

Тэги: еспч, правозащита, жалоба, заключенные, принудительный труд, профсоюзы, вс

On-Line версия

В Европейском суде по правам человека стали отвергать жалобы заключенных из РФ. Фото Reuters

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) отказался признавать за теми российскими заключенными, которые привлекаются к труду, право на создание профсоюзов. Такая тема актуализировалась, в частности, в связи с тем, что осужденных к принудительным работам стали привлекать к «стройкам века». ЕСПЧ при этом ничего не сказал о гарантиях на безопасный труд. В свою очередь, на решение Страсбурга формально сослался Верховный суд (ВС) РФ, указывая, что больных заключенных можно и не освобождать, если за решеткой их лечат. Похоже, европейская и отечественная Фемиды начали приходить к согласию.

Свое решение ЕСПЧ принял по жалобе заключенных из Якутии на ликвидацию созданной ими профячейки. Они указывали, что администрация колонии постоянно недоплачивала трудящимся, заставляла работать сверхурочно, а также пренебрегала безопасностью на рабочих местах, скрывала несчастные случаи. Осужденные тогда решили создать свой профсоюз, но прокуратура признала его незаконным. Ведь труд осужденных рассматривается как средство исправления, а следовательно, для обитателей колоний не действует закон об общественных объединениях.

Показательно, что в возражениях на жалобы от правительства РФ было сказано: права заключенных «защищены администрацией пенитенциарных учреждений», а их деятельность контролируется различными государственными и общественными органами. ЕСПЧ согласился, что работа в исправительной колонии не может быть приравнена к занятости в силу ее обязательного характера и особых целей. Так что национальные власти «имеют право налагать законные ограничения на некоторые категории трудящихся».

Постановление ЕСПЧ согласуется с позицией Конституционного суда (КС), который обосновывает свой подход разницей в правовой природе свободного и принудительного труда, сказал «НГ» член Ассоциации юристов России Дмитрий Уваров. Труд осужденных рассматривается в качестве исправления осужденного, а не как профессиональная деятельность. Реализовать право быть учредителями, членами, участниками общественного объединения осужденные лица могут после отбывания наказания, подтвердил эксперт.

Правда, как пояснила «НГ» юрист Центра практических консультаций Оксана Труфанова, на законодательном уровне нет препятствий для создания профсоюзов работающих заключенных. И такие попытки, напомнила она, идут с 2012 года, но каждый раз безуспешно. Первый профсоюз, созданный заключенными в Златоусте Челябинской области, суд ликвидировал с довольно странной формулировкой – дескать, цель этого объединения сводилась к представлению и защите интересов граждан, осужденных к наказанию в виде лишения свободы.

По нынешнему конкретному делу ЕСПЧ указал, что «у заключенных право создавать и вступать в профсоюзы может быть ограничено для обеспечения безопасности, в частности, по предупреждению преступности и беспорядка». Однако двое судей – Поль Лемменс из Бельгии и его кипрский коллега Георгиос Сергидес – высказали особое мнение. Они отметили, что рассуждение самого Европейского суда основано скорее на политических соображениях, нежели на юридических. Между тем, по их мнению, стоило бы учесть, что заключенные находятся в уязвимом положении, которое распространяется и на условия их труда. «Безусловно, такое мнение в российском контексте выглядит более убедительным, чем текст самого решения», – заметила Труфанова. По ее словам, ЕСПЧ вполне мог бы исследовать вопрос о нарушении права на недискриминационные отношения. Так что ЕСПЧ однобоко подошел к поставленному перед ним вопросу.

Как полагает адвокат Вера Гончарова, заявители действительно поставили перед ЕСПЧ сложнейшую задачу определения баланса прав, защищаемых Евроконвенцией. Суд исходил из того, что заключенные в целом продолжают пользоваться всеми основными правами и свободами, гарантированными Конвенцией, за исключением права на свободу. Но остановился на понимании труда заключенных как средстве для их реабилитации и ресоциализации, также имея в виду возможности по защите их социальных прав различными органами и ведомствами, надзирающими за местами лишения свободы. Хотя в российской действительности это далеко не так, но «суд не может выходить за пределы усмотрения национальных властей в отношении регулирования спорного вопроса и делать исключение для конкретного государства, против которого выступает заявитель, даже если ему известно о реалиях российской тюрьмы, поскольку иное могло бы расцениваться как политическое решение». При этом Гончарова подтвердила, что уязвимое положение осужденных в большинстве пенитенциарных учреждений создает почву для злоупотреблений со стороны администрации: «Многие вообще не получают оплаты за свой труд, что превращает его из средства исправления в рабскую обязанность».

Эксперты между тем раскритиковали и новую позицию ВС в отношении осужденных, в свою очередь привязанную к одному из прежних решений ЕСПЧ. ВС согласился, что заключенного можно не освобождать по болезни, если ему оказывается медпомощь в тюрьме. Об этом говорится в обзоре применения судами РФ норм международного права. Например, Верховный суд Удмуртии отменил решение об освобождении заключенного, сославшись на мнение Страсбурга: «Статья 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод не дает заключенному право на освобождение по состоянию его здоровья, если власти принимают адекватные меры по оказанию требуемой такому лицу медицинской помощи, а равно имеется эффективное реагирование властей на любые негативные изменения». Вот суд и установил, что больной туберкулезом с самого начала отбывания наказания состоял на учете в лечебном учреждении ФСИН, причем не раз отказывался от предлагаемой ему госпитализации, а также выборочно принимал назначенные лекарства.

Управляющий партнер юркомпании AVG Legal Алексей Гавришев заметил, что хотя подобная практика существует давно, она актуализировалась с началом пандемии. И «с 2020-го основным доводом в ходатайствах об УДО является состояние здоровья заключенных». Гавришев уверен, что позиция ВС связана с нежеланием создавать прецедент, по которому заключенные, имеющие серьезные заболевания, будут выпускаться на свободу. При этом условия в колониях по-прежнему не позволяют оказывать качественную медицинскую помощь даже тем, кто простудился, не говоря уже о тяжелобольных.

Возможности медчасти колонии существенно отличаются от лечебных учреждений за ее пределами, подтвердил «НГ» адвокат Владимир Постанюк. Он также пояснил, что «хотя ранее пленум ВС указывал, что заключенных, которым требуется лечение, необходимо освобождать независимо от отбытого срока или поведения, а теперь ВС говорит, что их можно не освобождать, если условия позволяют организовать лечение в самой колонии, по сути дела, между этими

выводами все-таки нет противоречия». Однако тогда, заметил Постанюк, нужен альтернативный взгляд – мнение независимых специалистов о том, скажем, поддается ли конкретное заболевание лечению в условиях исправительного учреждения, есть ли для этого необходимое оборудование и соответствует ли квалификация врачей. «И только потом можно отказывать в освобождении», – сказал он.

По словам федерального судьи в отставке Сергея Пашина, формально ВС действительно прав: у человека есть возможность ходатайствовать об освобождении по болезни, но при этом нет безоговорочного права быть выпущенным на этом основании. Так что, больного вполне могут оставить в колонии, например, вменив ему «злостное нарушение режима» или склонность к суициду, поскольку это «усмотрение суда, а не абсолютное право». При этом предлоги, по которым заключенных не хотят выпускать лечиться на волю чаще всего формальные, а причины этого хотя и могут быть разные, но в первую очередь, это забота о сохранении объема бюджета, выделяемого ФСИН на осужденных. Хотя могут быть и личная неприязнь, и коррупционные основания – мол, внеси некую сумму на содержание оркестра в колонии, тогда посмотрим. А суды не хотят вникать в эти конкретные случаи, ориентируясь на позицию начальников колонии: «Судья приезжает туда, у него масса ходатайств, которые он предпочитает разрешать скопом, не вдаваясь в детали. Бывают, конечно, случаи, когда судьи проявляют самостоятельность, но ехать по накатанной им гораздо проще». По поводу же международной практики, на которую ссылается ВС, Пашин напомнил: во многих странах начальник колонии даже не может наложить на человека дисциплинарное взыскание, этим занимается мировой судья в формате обычных слушаний. «Это значит, что поводы не отпускать человека не могут искусственно создаваться администрацией, как у нас. И там судьи не заинтересованы в потворстве, скорее, даже наоборот», - подчеркнул эксперт.